

и приличествует
челю.

и, лгунъ Азій!
ивъ: на то воля
бя отдаленъ, и ты

ня и наше дитя!
удеть карасымъ
и нашимъ дитя-
о кары! Ты сама
руга! Твое сердце
сдѣбности къ тебѣ
тительнаго твоего
ава въ этомъ. То
ни: вѣдь ты знала
уга, прежде чѣмъ
инной вѣры; вѣдь
прежде чѣмъ увѣ-
ие право, кроваво
зился между мною
тъ мы въ нашемъ
лько любимъ всѣ
руга, которому ты
ли... такъ сына,
и... Вѣдь если ты
а Льва, твоя оди-
гла, кромѣ твоего

ицы, обнимая ихъ
вдовьяго одѣянія.
когда не была съ
чѣмъ закрывая по-

иногда Его вселю-
то сына... хотя бы

я. Наши руки, ея
можденности.
е колыбели,—тихо
за ея изможденныя

я взгляды на спя-
ла руки изъ моихъ
некеума. Мнѣ даже
чулась за ней, но
иный, совсѣмъ сине-
мною входъ, выпу-

рость у этого входа

Азій. Онъ поднялъ

Сейчасъ я, по волѣ
твоему супругу.
и потрясъ всю мою

тъ въ одно время съ
родича Саккудіана,
принесетъ его вамъ
тъ кротокъ и почти-
до сихъ поръ, послѣ
го,—сказалъ Азій.
голубь, я клянусь
— восклицала я и,
крѣпко спало, устре-

ь женщинъ, пришед-
тъ.

сперъ узнала плоды

— О, только сбереги мнѣ сына, — взмолилась я ему, быстро
устремляясь за Азціемъ.

Нубіецъ-евнухъ слѣдовалъ за мною. Не замѣтила я, вся въ ка-
комъ-то трепетаніи, по какимъ переходамъ дворца вели меня и
какая стража, какіе вельможи стояли вдоль этихъ переходовъ,
молча, стѣсня мой путь. Вдругъ я поняла, что меня вводятъ въ
тотъ Пурпурный покой, гдѣ родился мой мужъ, гдѣ зачалась
наша любовь. Когда я вошла въ знакомую мнѣ ярко, но и мягко-
алую горницу, Азцій и нубіецъ, оба, были за моей спиной. Азцій
только шепнулъ мнѣ сзади:

— Всемиловѣйшая императрица-правительница дасть вамъ
малое время въ уединеніи съ вашимъ супругомъ. Потомъ она
войдетъ съ дитятей. И, если вы оба склонитесь передъ ней на
колѣна, пойметъ, что душа твоего супруга склонилась въ крото-
сти и почтеніи предъ нею. Если же нѣтъ, вы съ дитятей снова
сейчасъ же будете удалены отъ супруга, и онъ болѣе никогда не
встрѣтитъ—ни тебя ни своего сына.

О! если-бъ я поняла тогда, почему Азцій сказалъ не „уви-
дѣть“, а „встрѣтить“!

Немедленно послѣ его словъ, онъ и нубіецъ отступили назадъ
и заперли за собою входную дверь, а я, вся сотрясаясь отъ пред-
чувствія близкаго свиданія съ супругомъ, сдѣлала шагъ впередъ.

Быль уже вечеръ. Завѣсы оконныхъ арокъ были опущены и
висѣли тяжелыми складками. Лишь лампы передъ кіятами слабо
освѣщали покой сквозь ихъ густо-цвѣтныя стекла. Его алый
цвѣтъ казался цвѣтомъ густо запекшейся крови.

Сперва я не понимала, гдѣ же мой супругъ. Но потомъ уви-
дѣла въ углу, на высокихъ подушкахъ сѣдалища, согбенную фи-
гуру совсѣмъ старца, съ обнаженной полусѣдой головой, въ мѣхо-
вомъ тепломъ одѣяніи, съ очами, обвязанными плотнымъ шелко-
вымъ платкомъ. Едва я замѣтила его, я сразу узнала дорогія мнѣ
уста, хотя борода вокругъ нихъ была также полусѣдая и крайне
растрепанная. А я видѣла, въ послѣдній разъ, и эту бороду и
волосы этого чела безъ сѣдинки и тщательно мною самою рас-
чесанными и умащенными.

Но не до волосъ мнѣ было. Меня вдругъ точно рѣзнуло что-то
въ самое сердце. Я какъ-то разомъ постигла, что передо мною
слѣпецъ, и съ неудержимымъ рыданіемъ упала на угловатая
теперь колѣна этого сидящаго передо мною.

— Теодота! Теодота!—стономъ срывалось съ его устъ, когда
его пальцы, еще болѣе худые, чѣмъ теперь у насъ съ импера-
трицей Ириной, трепетно ощущивали мою голову, черты моего
лица, по которымъ теперь неудержимо струились слезы.

И, вѣроятно, никогда, отъ сотворенія Господомъ міра, ни въ
одномъ стоиѣ не звучало вмѣстѣ и столько скорби и столько
радости, какъ въ стоиѣ моего несчастнаго слѣпота супруга въ это
страшное и бесконечно-блаженное для насъ мгновеніе...

XIV.

И мы такъ забылись въ этомъ мучительно-сладостномъ объ-
ятіи съ моимъ супругомъ, что, не успѣла я вспомнить о страшномъ
предупрежденіи Азція, завѣса входной арки тихо раздвинулась.
Въ ней показалась императрица Ирина съ нашимъ дитятей на
рукахъ. Я только успѣла шепнуть супругу:

— Императрица... встанемъ на колѣни... иначе насъ опять
навѣки разлучатъ. Она принесла наше дитя...

При этомъ моемъ шопотѣ, въ то время вырывавшемся изъ устъ
моихъ, какъ изъ устъ безумной, ужаснула меня мысль, что мой
супругъ, гордый страдалецъ, не исполнитъ требованія своей ма-
тери и навѣки будетъ отторгнутъ отъ меня и нашего дитяти. Я
съ еще большимъ ужасомъ увидѣла это. Мой мужъ, весь дрожа,
приподнялся во весь ростъ съ своего сѣдалища и, стоя, заговорилъ
глухимъ, но спокойнымъ голосомъ:

— Императрица-мать... мое дитя... Войди сюда, высоко-
почтенная императрица и правительница. Положи на руки отца
твоего внука. Сынъ твой смирился душою и во всѣхъ злополу-
чіяхъ, постигшихъ его, видитъ только праведную кару Господа
Бога за грѣхи мои противъ Духа Святого, противъ истинной вѣры,
противъ людей, павшихъ благодаря его духовной слѣпотѣ. И
если ты требуешь, я и супруга моя склонимъ передъ тобою
колѣна... Нѣтъ униженія, котораго бы не перенесъ я теперь без-
ропотно, какъ все ту же праведную кару Господню. Такъ я грѣ-
шенъ противъ Господней правды.

Лоси. Картина Р. Фризе, грав. И. Вебера.

лько как это справедливо. Хотя, быть-можетъ, его погружало теперь
ь его въ его ненарушимое, созерцательное, повидимому, безмятежное
, что спокойствіе—его душевное углубленіе въ размышленія объ истин-
риѣ. ной вѣрѣ... Онъ уже понемногу открывалъ мнѣ эти размышленія.
уи, И когда я его слышала, мой разумъ постепенно точно омывался
ими, въ небесно-лазурномъ эфирѣ. Онъ долго все еще не доходилъ, въ
оба своихъ размышленіяхъ, до окончательныхъ, колебимыхъ основъ
лиси истины богочитанія небснаго и осуществленія правды земной.

Но, по мѣрѣ, какъ все это выяснялось ему, слѣщу, въ его ду-
со-ховномъ зрѣніи, яснѣвшемъ все болѣе, углублялось и его спокой-
жду ствiе не только въ горѣ, но и въ радости. Когда Богъ послалъ
ица намъ второе дитя, онъ, кажется, и этому радовался не столько за
эти самого себя, какъ за меня. Когда я передала ему слова нубійца
раз-о томъ, что у нашего второго дитяти нѣтъ никакихъ царствен-
то ныхъ правъ, что они отняты у него осужденіемъ отца къ вѣчному
на заключенію и лишенію права базилевса, дорогой мой супругъ тихо
или сказалъ:

— Пусть. Воля Божія. Она къ лучшему. Его не будутъ увѣ-
анъ чить душевно, какъ увѣчили меня, чтобы изувѣчить въ концѣ
го-концовъ и тѣлесно. Его оставятъ человѣкомъ, ибо никому не бу-
ала деть онъ грозить, никого манить милостью, ставъ императоромъ.

О, какъ глубоко поняла я тогда эти слова моего супруга!

XVII.

Такъ мы жили съ моимъ дорогимъ супругомъ, забытые міромъ,
ому но не забытые Господомъ Богомъ. Здоровье его незамѣтно таяло,
слѣ особенно со смерти перваго нашего дитяти, но и это происходило
вса какъ-то тихо, безболѣзненно. И вотъ однажды, съ особеннымъ
на-трудомъ поднявшись утромъ съ своего ложа, онъ сказалъ мнѣ:

— Дорогая Θεодота! Я бы теперь угасть и отошелъ къ Господу
ица Богу въ вѣрѣ въ Его неизреченную милость съ полнымъ спокой-
ого ствiемъ, ежели бы не терялъ васъ, тебя и нашего ребенка. Ради
ица этого я такъ же охотно продолжаю свои грустные дни на землѣ,
охо хотя мое усталое тѣло таетъ замѣтно для меня, и воля Божія,
ми, неисповѣдимая для насъ, да свершится.

Я со слезами опустила передъ нимъ и воскликнула:

— О, если-бъ не дитя наше, я сама бы ушла объ руку съ то-
ми-бою на лоно Божіе!

— Да, заботься объ немъ, не какъ о внука императоровъ, а
ка какъ о человѣкѣ, вѣдь судьба его и будетъ просто человѣческая
то судьба,—отозвался супругъ мой.—Но позаботимся же.—какъ-то
юй торжественно началъ онъ:—о долгѣ нашемъ не только передъ
ла самими собой и передъ нашимъ дитятей, но также и передъ
ица людьми, передъ нашей землей, которая могла бы быть моей
иа, счастливой имперіей, но счастлива ли хоть сколько-нибудь те-
ю-перь — это только вѣдомо Богу. Я чувствую мой долгъ оста-
и-вить людямъ искреннюю и правдивую повѣсть моихъ грѣховъ
къ и страданій, а главное — повѣдать имъ о той истинной вѣрѣ,
ицъ къ какой привело меня полное раскаяніе въ этихъ грѣхахъ и
ицъ полное смиреніе передъ этими страданіями. Нашъ евнухъ-доб-
ицъ-рякъ, по моей просьбѣ, досталъ мнѣ нѣсколько листовъ перга-
ицъ-мента, изъ тѣхъ, которые ему выдаются для веденія записи рас-
ицъ-ходовъ на наше содержаніе, чѣмъ завѣдуетъ вполнѣ онъ. До-
ицъ-ставилъ онъ также мнѣ нѣсколько тростниковыхъ стилей для пи-
ицъ-санія и склянку той жидкой краски, какую употребляютъ для
ицъ-писанія здѣсь во дворцѣ. Она темно-пурпурнаго цвѣта. Пусть же,
ицъ-да по этому цвѣту, эта повѣсть души моей будетъ написана какъ
ицъ-бы кровью сердца моего. Я ему сказалъ, что все это мнѣ нужно,
ицъ-чтобы записать для жены моей и ребенка моего, передъ моею,
ицъ-очевидно, скорой смертію, наставленіе, какъ жить и почитать
ицъ-Бога. Онъ это понялъ, почтительно скрестилъ ладони на груди и
ицъ-закивалъ головою, обѣщавъ никому объ этомъ не говорить.

— О, когда человѣкъ умираетъ, пусть онъ пишетъ на память
ицъ-женѣ и сыну, и это знаетъ только Богъ,—сказалъ онъ въ наив-
ицъ-номъ благоговѣніи.

„Другъ сердца моего, Θεодота! помоги же мнѣ въ этомъ важ-
ицъ-номъ дѣлѣ; я, по слѣпотѣ своей, не въ состояніи ничего начер-
ицъ-тать; запиши то, что я тебѣ скажу. То же, что болѣе извѣстно
ицъ-тебѣ, нежели самому мнѣ, повѣдай на своемъ мѣстѣ отъ себя;
ицъ-потомъ мы сообща изложимъ истины теперешней нашей вѣры въ
ицъ-Бога, берущей начало въ вѣрѣ моихъ дѣда и отца, но влияю-
ицъ-щейся въ дельту нѣсколько иного глубокаго вѣропочитанія.—
ицъ-увы!—чуждаго обрядовому исповѣданію моей матери и родного

это исповѣданіе, а потомъ пережешь свитокъ на груди одному изъ вождей, какъ свѣтъ, несмотря на то, что . Важнѣе всего, что онъ въ правды. Я знаю его да онъ былъ во главѣ не- шь ему, что я завѣщаю нашей эту мою посмерт- и кромѣ того сумѣть, ю и достаточной лов- ча исключеніемъ твоихъ о, кому бы я въ этомъ

Оеодота, покорно на- а съ его словъ, и по- время писанія, вы- ли я записываю, что- тораго должны быть изъ супругомъ, обсу- ихъ въ отдѣльномъ ша не соединялась ѣтившими насъ въ ась, но и для дру-

ась дѣло и при- анствіе, свитокъ у меня—шелко- ю, — еще какъ демъ, скрыла на свитки.

чила эту волю ликъ моего су- то съ ослѣплен- свѣтло и ра- тшь на мгно- т улыбкой на- чанія нашей рѣ, еще какъ бы- амымъ. И я асомъ, мигъ- женная пе-

воими тол- но вращая

зами мо- , что Онъ о супруга тягостно тилъ ему ое дитя,

вѣтамъ на оста- гая за-

ашего остой- гнемъ фора при- на

той- ты (въ ый

этотъ свитокъ — достопочтенному Теофану-историку. Распро- странить его въ народѣ желалъ самъ покойный сынъ императора Льва, да это и полезно намъ. Пусть увидятъ истинныя дѣла императрицы Ирины. Достопочтенный же Теофанъ — единствен- ный, кто осмѣлился отмѣтить въ своихъ записяхъ, когда ослѣ- пили покойнаго базилевса, что солнце померкло и 17 дней какъ будто даже не свѣтило, и корабли въ полутьмѣ блуждали по морю, и это оттого, что ослѣпили императора; и въ этой тьмѣ возшла на престолъ Ирина, мать императора. Эти слова я читалъ самъ въ тайныхъ записяхъ Теофана. Пусть онъ воспользуется этимъ свиткомъ и запишетъ все это явно,—мнѣ, императору, на пользу.

— А императрица Ирина?—спросилъ я новаго нашего импе- ратора.

— О, съ тѣхъ поръ, какъ мы ее захватили въ элевѳерійскомъ дворцѣ и, привезя сюда, заключили ее въ Священномъ дворцѣ, и патриархъ Тарасій назавтра же, въ соборѣ святой Софіи, пома- залъ меня на царство, отъ нея отошли всѣ. Такъ что и этотъ сви- токъ, по порученію вдовы покойнаго, мнѣ доставили безъ колеба- нія. Прочти же его, и вечеромъ я опять тебя приму.

Такъ сказалъ императоръ Никифоръ, отпуская меня отъ себя.

Днемъ я прочиталъ это рукописаніе, а вечеромъ снова былъ принять имъ глазъ на глазъ.

— Но, высокостойный императоръ! Здѣсь говорится еще о свиткѣ, гдѣ изложено исповѣданіе вѣры. Его нѣтъ среди перга- мента, даннаго тобою мнѣ.

Императоръ Никифоръ слегка усмѣхнулся.

— Я его уничтожу. Хотя это исповѣданіе, согласно словамъ покойнаго базилевса, и беретъ источники въ исповѣданія его ве- ликаго дѣда и, бывало, расположеннаго ко мнѣ его отца, но не- счастный Константинъ правъ: оно слишкомъ далеко уходитъ отъ этихъ источниковъ. Оно посѣетъ только сѣмена новой ереси, вредной и царству, да и мнѣ, императору. Я сжегъ его. Съ тѣхъ поръ какъ оно попало мнѣ въ руки, ничье око, кромѣ моего, не видало его. И не увидитъ. Теофану же скажи, что его затеряли, прежде чѣмъ вручили мнѣ.

Я преклонился предъ мудростью императора Никифора.

— А что, въ концѣ концовъ, императрица Ирина? — опять осторожно освѣдомился я.

— Императрица вполнѣ покорилась своей судьбѣ и съ пол- нымъ смиреніемъ склонилась передъ начертаніемъ Господа. „Это Онъ покаралъ за грѣхи“, — сказала она. Я, проливая даже слезы, сказалъ, что душевно огорченъ тѣмъ, что меня на- сильно сдѣлали императоромъ и принудили подвергнуть ее заклю- ченію. Я поклялся ей, что прекращу это заключеніе и всю жизнь ее буду чтить ее, какъ государыню. Оставляю въ ея полное вла- дѣніе любимый ею элевѳерійскій дворецъ, если она укажетъ мнѣ, гдѣ всѣ императорскія сокровища, укрытыя ею. Она выслушала меня, не проронивъ ни слезы, и безропотно выдала всѣ свои сокрови- ща. Она только тихо твердила:—„Кара Божія—воля Божія“.

— И ты, высокостойный императоръ, дѣйствительно испол- нишь все, что обѣщалъ Ирину?—спросилъ я его.

— Въ концѣ этой седмицы ее отвезутъ въ монастырь, на островъ Принкино, — отвѣтилъ императоръ, и чуть замѣтная улыбка мелькнула на его устахъ.

Я опять только подивился мудрости императора. Но впослѣд- ствіи онъ оказался еще мудрѣе.

Не довѣряя ей, черезъ два года, онъ, подъ суровой стражей, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда холодный вѣтеръ подергиваетъ темно- свинцовой осенней рябью морскія волны, онъ перевезъ ее на от- даленный Лесбосъ, гдѣ съ ней было воспрещено всякое сношеніе, даже простая бесѣда.

Въ молитвѣ и безмолвіи угасла она въ августѣ 803 года послѣ рождества Господа Иисуса Христа.

И удивительно: августъ для нашей страны совѣтъ еще не осень, а въ годъ смерти императрицы Ирины море было подер- нуто совершенно осенней свинцовой рябью уже въ этомъ мѣсяцѣ. Я же тогда, послѣ бесѣды съ императоромъ Никифоромъ, оста- вивъ себѣ списокъ съ рукописанія, врученнаго мнѣ имъ, чтобы съ него распространить списки въ народѣ, которые дѣйствительно могли послужить только оправданіемъ воцаренія стараго друга моего Никифора и насилій его надъ императрицей Ириной, вру- чилъ рукописаніе вдовы базилевса Константина почтенному Тео-

звук, какой производят пѣтухи крыльями, когда собираются пѣть... Слыша знакомые звуки, сидѣвшій подѣ корчагой пѣтухъ вообразилъ, что наступаетъ разсвѣтъ, и закричалъ... И въ тотъ же мигъ вся нечистая сила, которой положено гулять по свѣту только до пѣтуховъ, стремглавъ бросилась подѣ землю.

И теперь еще въ разныхъ мѣстахъ вокругъ холма, гдѣ стоитъ дьявольская постройка, и по склону его лежатъ громадныя камни, которые побросали бѣсы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ засталъ ихъ крикъ пѣтуха. Сѣдымъ мохомъ поросли они теперь, но еще недавно на нихъ ясно были видны слѣды дьявольской работы и отпечатки страшныхъ, когтистыхъ лапъ.

Разсѣялась грозная туча, затихли удары грома, и первые лучи восходящаго солнышка освѣтили громадное недостроенное зданіе на вершинѣ лѣсного холма. Хитрость Любуши разрушила замыселъ дьявола, и свадьба не состоялась, но... не избѣгла дѣвушка несчастья. Разгнѣванный отецъ наложилъ на нее заклятье, и нѣсколько вѣковъ должна томиться Любуша подѣ тяжелыми камнями дьявольскаго замка въ наказанье за непокорность отцу. Стонетъ и плачетъ она по ночамъ, наводя тоску и ужасъ на всѣхъ, кому случалось подходить къ заклѣтому мѣсту, а кругомъ въ лѣсу раздается злобный хохотъ и ревъ сторожащей ее силы нечистой. Теперь уже доходятъ послѣдніе годы, на которые положено заклѣтье, и все чаще Любуша стала выходить на поверхность земную. Лѣсные сторожа и нѣсколько заблудившихся въ лѣсу путниковъ не разъ видали ее, какъ блѣдный призракъ сидящую на камняхъ дьявольскаго замка, и многіе слышали ея стоны:—«Тяжко мнѣ,—плачетъ она:—дайте мнѣ крестъ!..» Два раза монахи близлежащаго монастыря ставили крестъ на вершинѣ постройки, но не устоялъ онъ: время еще не вышло, объясняетъ преданіе.

Непрерывной вереницей мчатся года надѣ лѣсомъ и таинственнымъ замкомъ. Всесокрушающее время наложило свою руку и на этотъ памятникъ бѣсовской архитектуры, все болѣе осѣдаетъ онъ, теряя обликъ зданія, становится ниже, какъ бы уходитъ къ своему строителю. Но и донынѣ массивными скалами высятся еще стѣны его—громадныя глыбы сѣроватаго песчаника, поросшія мохомъ. Причудливыми узорами избороздили ихъ трещины, какъ бы десятки чудовищъ отпечатали на нихъ свои лица и лапы. Въ одной изъ стѣнъ сохранился еще ходъ въ комнаты нижняго этажа: большая пещера, въ которой свободно могутъ помѣститься нѣсколько чело-вѣкъ. Двѣ узкія щели уходятъ изъ нея въ каменную толщу бѣсовской постройки. Это — коридоры, по которымъ въ недавнемъ прошломъ можно было проникнуть во внутреннія комнаты замка.

Пройдутъ года—и самое смѣлое воображеніе не узнаетъ въ грудѣ

вола. Одна изъ стѣнъ замка.

Свадебный Замокъ Дьявола. Видъ на замокъ изъ-за деревьевъ.

на и
лабы
стихо-
се—п
ность,
ночи
епты,
юсти.
ль о
счита-
долго
неть
пле-
при-
геть.
Всё
юло-

дого поэта, намѣчены и обозначены Плещеевымъ. Отъ него Надсонъ непосредственно перенесъ въ свой стихъ и «горькія сомнѣнія», и «болѣзненную тоску», и «безотрадные думы», и «отрадный разсвѣтъ». Мечта Надсона о «пророкѣ», которую онъ выразилъ съ такой болѣзненной страстностью, опять—отъ Плещеева. Въ 1858 году Плещеевъ писалъ:—«Насъ къ безднѣ привела—стезя безвѣрья и порока!—Рабажъ позорной лжи и зла—*пошли, пошли, Господь, пророка*,—чтобъ рѣчь его намъ сердце жгла—и содрогнулись мы глубоко»...

До странности, до мелочей, до полныхъ совпадений Надсонъ повторилъ Плещеева. За нѣсколько десятилѣтій, отдѣлившихъ ихъ, конечно, далеко ушла впередъ техника стиха, утончилась психологія, углубились поэтическія настроенія. У Надсона явилась напѣвность, музыкальность, утонченность стиха, какой во времена Плещеева не знали и о какой не могли мечтать. Но самый мотивъ призыва къ борьбѣ за дѣло родины, самая вѣра въ побѣду, часто наклонъ мысли—слегались въ поэтѣ 80-хъ годовъ по явному плещеевскому подсказу. То, что Плещеевъ бросалъ, какъ афоризмъ, Надсонъ не разъ облачалъ въ истинно поэтическій образъ.

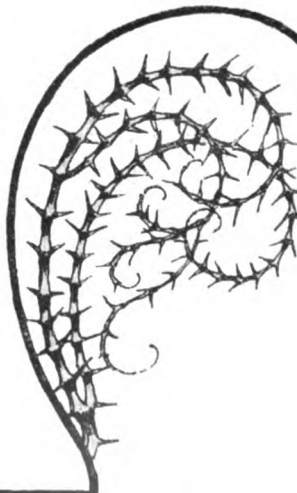
зая санаторіи.

Группа дѣтей въ аппаратахъ.

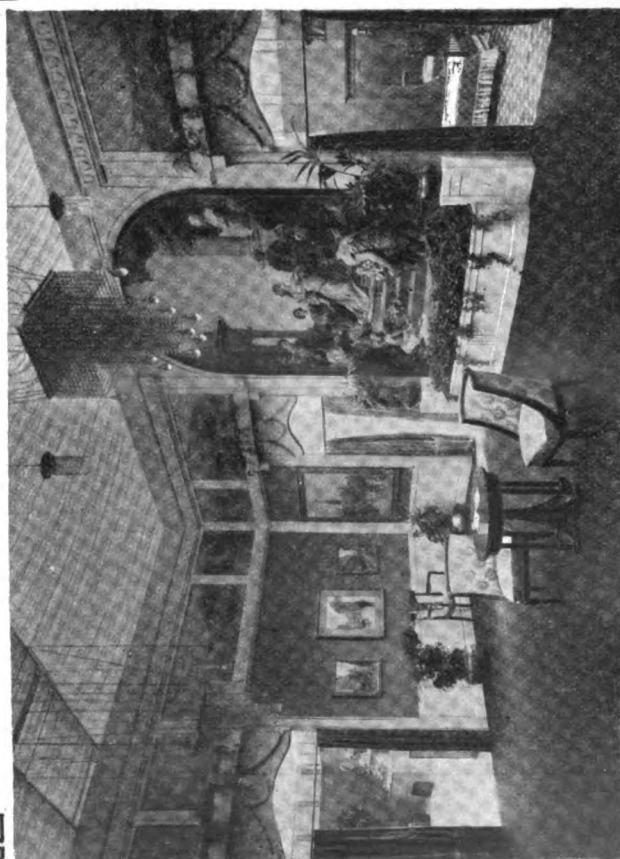

дѣтей.

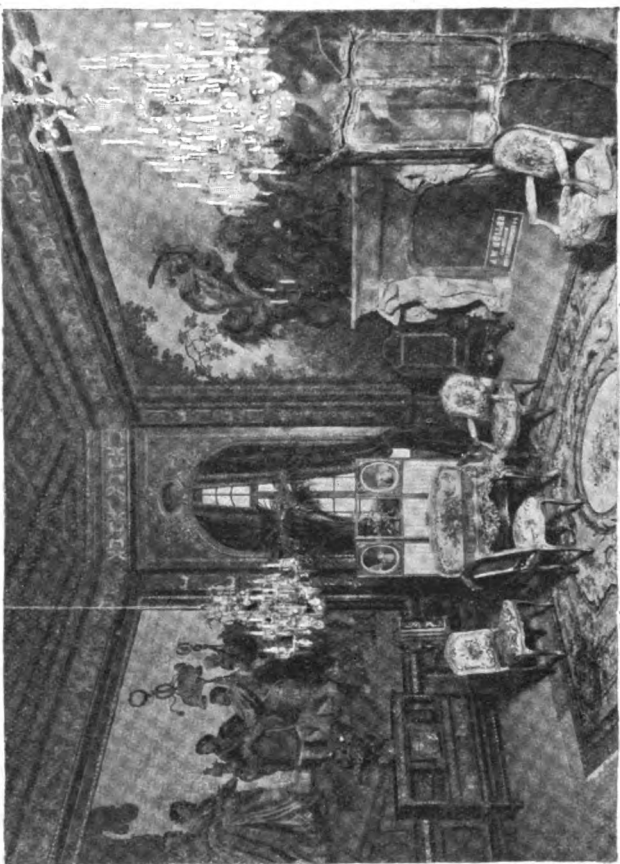

дѣтей вблизи гор. Вилдавы. По фот. авт. «Нивы».

Швеція. Кухня, устроенная фонъ-Болиндеромъ.

Австрія. Пріемная зала изъ Вѣны въ стилѣ «Empire».

Австрія. Гобелень въ стилѣ «Jugend», раб. М. В. Мюллера въ Вѣнѣ.

Швеція. Издѣлія изъ керамики, искусственнаго стекла, золота и серебра.

Международная Художественно-Промышленная выставка мебели, декоративныхъ работъ и принадлежностей домашней обстановки въ С.-Петербургѣ, открытая 12 августа 1908 г. въ Михайловскомъ манежѣ. По фот. К. Булга авт. «Иллы».